

Может быть, стоило бы более глубоко проанализировать региональный аспект всей проблемы «Иммиграция и социально-экономическое развитие страны». Этот аспект интересен не только сам по себе, он помог бы раскрыть некоторые дополнительные черты в характеристике многогранных связей процесса иммиграции с экономико-географическими, демографическими, хозяйственными процессами в Канаде в целом. Можно пожалеть об отсутствии в книге указателей — предметных и авторских. Пользуясь случаем отметить, что это, к сожалению, недостаток многих наших научных изданий.

В заключение остается лишь сказать, что советское канадоведение получило ценный труд по одной из важнейших, до сих пор слабо исследованной проблеме развития Канады.

Г. А. Агранат

Mercedes de la Garza. La conciencia histórica de los antiguos Mayas. Universidad Nacional Autónoma de México, Centro de estudios mayas, (serie cuaderno 11). México, 1975, 130 p. + bibl.

Рецензируемая работа посвящена исследованию исторического знания у древних майя в классический, постклассический и первые десятилетия колониального периода. Однако, и это является привлекательной чертой работы, автор стремился показать майя в тесной и действительно реальной связи со всеми остальными месоамериканскими народами.

Автор анализирует представления исторического характера у таких народов Месоамерики как ацтеки, тараски, сапотекы, тотонаки, миштеки. У них в доколониальный период существовал и всячески культивировался интерес к важнейшим событиям собственной истории, что, по утверждению М. де ла Гарса, способствовало формированию чувства единства и общности судьбы у каждого из этих народов. Интерес к событиям прошлого проявляли еще ольмеки, самый древний из центральноамериканских народов, с именем которого связывается изобретение иероглифического письма, календаря и некоторых основных принципов в архитектуре, искусстве, религии и мифологии, ставших определяющими во всем районе.

В своем исследовании исторического знания собственно у майя М. де ла Гарса основывается на источниках трех видов. Во-первых, в книге анализируются памятники письма майя доколониального периода: кодексы, надписи на стелах, притолоках зданий и т. п. Во-вторых, использованы исторические хроники и кодексы колониального периода как европейского, так и индейского происхождения. В-третьих, автор рассматривает ряд памятников искусства майя, в которых порой с удивительной живостью и конкретностью изображается человек.

До недавнего времени считалось, что сохранившиеся иероглифические надписи майя являются только календарными датами, записями течения астрономического времени. Последовательными сторонниками этого мнения были С. Морли и до некоторого периода времени Э. Д. С. Томпсон. Однако с появлением работ Г. Берлина, Т. Проксураковой, Г. Келли и А. Рус Луильера положение в этом вопросе изменилось. Названные исследователи показали, что надписи майя на стелах и притолоках классического и постклассического периодов отражают не только события религиозного, астрономического и хронологического характера, но и, возможно, регистрируют важнейшие моменты жизни выдающихся людей: рождение, бракосочетание, престолонаследие, завоевания и т. п. Изображения и надписи в Храме Надписей Паленке явно имеют исторический характер. Фрески Бонампака — выдающиеся образцы живописи майя, являются ценнейшими свидетельствами исторического видения человека.

Таким образом, судя по памятникам искусства, где изображен человек, и по характеру надписей, их сопровождающих, можно предположить, что для майя человек существовал в своем собственном измерении, которое является историческим измерением. Иными словами, у них, как и у других месоамериканских народов, не было чисто астрономического знания самого по себе; оно тесно связывалось с человеческой жизнью. Майя, как и другие центральноамериканские народы, рассматривали жизнь мира циклически: они считали, что прошлое возвращается в соответствии с порядком следования времени, установленным жрецами-астрономами. Поэтому сведения о свершившихся событиях сохранялись и передавались потомкам не только для того, чтобы уведомить их о случившемся, но и для того, чтобы они могли по возможности изменить или предотвратить те несчастья, которые должны были, согласно их представлениям, повториться в будущем по закону цикличности.

Записи, связанные с событиями человеческой истории, передавались и с помощью кодексов, которые в большом количестве создавались специально обученными для этого людьми из жреческого сословия. И хотя кодексы были доступны и понятны только верхушке общества древних майя, народу также сообщались исторические сведения во время религиозных церемоний.

Из сохранившихся доиспанских кодексов майя М. де ла Гарса назвала три: Дрезденскую, Мадридскую и Парижскую рукописи. Однако известна еще и четвертая, так

называемая рукопись Гролье, о которой в книге почему-то не упоминается, хотя она была опубликована в 1973 г.

Признавая, что эти рукописи должны быть, в основном, астрономического и религиозного характера, автор вместе с тем добавляет, что такое содержание совсем не лишает их «гуманистических» черт, поскольку астрономические подсчеты, да и сами боги были тесно связаны с потребностями человеческой жизни. С подобным утверждением нельзя полностью согласиться, ибо в конце концов все создано человеком для себя самого; если следовать рассуждениям автора, все приобретает «очеловеченный» характер, даже предметы явно религиозного и ритуального назначения. Предположение Э. Д. С. Томпсона, а вслед за ним и М. де ла Гарса о возможном историческом содержании Парижского кодекса не подтвердилось при расшифровке этих рукописей Ю. В. Кнорозовым, так как оказалось, что «все сохранившиеся рукописи являются жреческими требниками»¹. Следовательно, если у майя и существовали кодексы исторического содержания, что весьма вероятно, то во всяком случае эти четыре рукописи таковыми не являются.

Кроме кодексов, надписей на памятниках архитектуры и искусства, у майя существовали другие способы сохранения, передачи и даже обучения знаниям о прошлом своего народа. К их числу принадлежал театр, где ставились драматические произведения, представлявшие собой смесь религиозных и исторических идей. Наконец, исторические повествования о делах предков устно передавались от отца к сыну. После Конкисты традиция сохранения исторических сведений некоторое время продолжалась в произведениях хронистов индейского происхождения. Таким образом, в рецензируемой книге показано, что у древних майя существовало историческое знание, сохраняемое и поддерживаемое разнообразными способами.

Хотя работу в целом отличает трезвость суждений, логическая стройность и простота изложения, помимо уже отмеченного, серьезное возражение вызывает рассуждение автора о предмете истории и ее связи с мифом и магией. М. де ла Гарса утверждает, что миф иногда может рассматриваться как первое историческое повествование, поскольку в нем объясняется человеческое прошлое. Однако, с другой стороны, это не история в строгом смысле слова, поскольку прошлое людей преломляется в мифах через обращение к божественным силам, которые по представлениям древних народов пронизывают всю человеческую жизнь. В этом утверждении имеется рациональное зерно. Действительно, исторические данные, в устной форме сохранившиеся в народной памяти, запечатленные на памятниках и записанные в кодексах, были теснейшим образом связаны с мифологией. Однако дальнейшие рассуждения автора о взаимодействии магии, мифа и рационального, в данном случае исторического сознания, нельзя считать верными. Опираясь на мнение К. Леви-Стросса, что магия и наука не враждебны друг другу, а являются двумя способами познания, М. де ла Гарса приходит к заключению, что у майя также, как и у других народов, «обнаруживается рациональность мифа и религиозность разума». Ошибка автора, по нашему мнению, состоит в том, что в книге практически отождествляются магия и миф. Между тем это не так. Известно, что у мифа есть особая сторона, не связанная с религиозно-магическими действиями, которая и позволяет рассматривать его как одно из первых обобщений знаний человека о природе различного рода явлений. И если речь идет о взаимодействии исторического и мифологического в культуре древних майя, то следует говорить как раз об этой стороне мифа, не связанной непосредственно с магическими действиями. Кроме того, попытка сблизить магию и науку и представить первую как «пранауку» является в корне неверной, ибо они противоположны друг другу, как противоположны знание и заблуждение.

С учетом высказанных замечаний работа М. де ла Гарса может быть рекомендована изучающим культуру древних народов Центральной Америки.

В. Е. Баглай

¹ Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, стр. 228.